

В.А. Ковалёв

**«ЛИШНИЕ» ЛЮДИ – НОВЫЕ «РАСКОЛЫ»:
ОСНОВА КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Ковалёв Виктор Антонович – доктор политических наук,
профессор Сыктывкарского государственного университета.

**«Ненужные» люди
и дегградация человеческого капитала**

Конфликты и противоречия современного мира, вполне возможно уже в обозримом будущем, приобретут некое новое качество в силу того, что в них будут задействованы новые технологии, для которых часто используется обозначение «конвергентные» NBIC-технологии, представляющие из себя разработку и внедрение инноваций в нано-, био-, информационных и когнитивных областях, которые взаимно усиливают друг друга и приводят к взрывным эффектам. Последние распространяются не только на сферу науки, но имеют многообразные социально-политические последствия. Попытки описать эти эффекты уже предпринимались [3, 5, 6], но очевидно, что подробная разработка этих проблем еще впереди. И здесь нельзя ограничиваться только социально-экономическими или технологическими прогнозами.

Сегодня, на наш взгляд, политологи обращают недостаточно внимания на новые вызовы, сосредоточивая усилия в русле привычных проблем и теорий. Можно даже сказать, что относительная «автономия политической науки» существенно сужает исследовательские перспективы. Возможно, могло бы помочь возвращение к старой доброй политической экономии, но, разумеется, с учетом перемен XXI в. «Автономная политология», не учитывающая социально-экономические факторы, быстро превращается в схоластику и пропаганду. Еще более важно, повторим, видеть за экономическими кризисами проблемы демографии и ресурсов.

Среди подходов и теорий, объясняющих причины глобальных кризисов и национальных революций («Смут»), ближе всего, пожалуй, неомальтузианские объяснения. На наш взгляд, именно эти подходы (разумеется, при соче-

тании и в дополнении с другими) дают наиболее убедительную картину каузальности того или иного социально-политического потрясения. Именно демографический перегрев и относительное перенаселение приводят ко всякого рода деструктивной политической активности, к вспышкам войн, в том числе гражданских, и разнообразного революционного терроризма. Массами овладевают странные теории, типа коммунистического революционизма, которые становятся «материальной силой», и они заставляют десятки миллионов людей уничтожать друг друга в ходе массовых насильственных действий.

Как пример подобных объяснений, сошлемся на труды уральского историка С. Нефедова [11], размышляющего о том, к чему приводит демографический перегрев и относительное перенаселение.

На эту тему резко высказывается критически настроенный блоггер *devol*. Он напоминает, к каким страшным последствиям для нашей страны привел демографический перегрев в начале XX в.: «К сожалению, Российская империя в последние 20 лет своего существования столкнулась с противником, против которого просто не было оружия. Это резкий и огромный демографический прирост... Единственная попытка избежать демографического коллапса на тот момент – это заселение окраин, плавная индустриализация и рост производительности труда (увеличение прибавочного продукта). Все это было сорвано в 1916–1920-х годах. После Первой мировой войны с ее потерями последовала Гражданская война, эпидемии, голод, затем коллективизация, когда крестьян коммунисты превратили просто в рабов (...), а затем значительную их часть утилизировали в новой войне с Германией»¹.

Сейчас мы столкнулись именно с таким случаем глобального демографического перегрева, кризиса мирового перенаселения. Конечно, это не новость и этому посвящены многие тысячи работ. Новым является то, что люди «объективно» (по научно-технологическим причинам) и «субъективно» (по причинам культурным и социально-политическим) становятся *совершенно лишними* (в том числе и в плане обострения экологических проблем), и происходит это в огромных масштабах. Ранее такого не наблюдалось: в традиционном обществе была нужда в людях как в рабочей силе, объекте «классовой эксплуатации». Модерн еще более обострил эту нужду в людских ресурсах – в солдатах и рабочих, а потом и в гражданах национального государства. Известный исторический социолог Майкл Манн, пусть и отрицающая концепцию «современности» (общества Модерна), говорит о том, что «комбинация индустриального капитализма и идеал национального государства так или иначе подразумевают мобилизацию масс. Важнейшим вопросом начала XX столетия был способ этой мобилизации...» [8, с. 155]. Однако сейчас

1. Демографическая торпеда. – URL: http://livejournal.com/_devol_/1042044.html

подобные мобилизации становятся все менее востребованными. На это накладываются как кризис национальных государств и соответствующих институтов, в том числе и политической демократии, так и принципиальные изменения на рынке труда, в связи с вытеснением «живого труда», объективной ненужности рабочей силы, не обладающей высокой квалификацией. Все чаще авторитетные экономисты обращают внимание на это обстоятельство. Так, нобелевский лауреат Дж. Стиглиц выступает с работой «Безработица и инновации». Его выводы сводятся к тому, что новая технологическая революция может улучшить жизнь некоторой части населения, но наряду с этим инновации приведут к новому росту неравенства и экономического расслоения [18]. Ряд других авторов, например профессора Массачусетского технологического института Эрик Бринолфссон и Эндрю Макафи, пишут о проблеме в том же духе [17].

Но на резкую поляризацию элиты и массы влияют не только политико-экономические, но и социокультурные факторы. Компьютеры и роботы выполняют все большее количество функций быстрее и качественнее, и обходится это дешевле, по крайней мере в перспективе. Становятся ненужными как рутинные профессии промышленных работников, так и офисного «планктона», не говоря уже об армиях охранников (пресловутых «секьюрити»), кассиров, продавцов, регистраторов, водителей, чернорабочих, официантов, уборщиков, многих строительных специальностях и т.д. Не трудно заметить, что именно эти профессии востребованы на отечественном рынке труда и именно потребностями такого рода рабочей силы обосновывают в РФ массовую миграцию, а также безумные планы по ее расширению. И все это на фоне научно-технологической деградации и торможения научно-технического прогресса. Не должна вводить в заблуждение и статистика образования при его качественной деградации, ведь у большинства специалистов с высшим образованием никогда уже не будет доступа к подлинно творческому и сложному труду, к высококвалифицированной и ответственной работе.

К тому же в отношениях с компьютерами может наблюдаться и обратное влияние, упрощающее человеческое сознание. Не машинный разум будет уложиться до человеческого, а сами люди будут редуцировать свои творческие возможности до компьютерных алгоритмов. Посмотрим на распространение в системе образования пресловутого ЕГЭ, тестоманию и пр. Это же какой-то вывернутый наизнанку «киберпанк». Если компьютеры работают в двоичном коде, то школьник и студент, занесший ручку над пустой клеточкой очередного теста, также выбирает ноль или единицу. Сложность уходит, наступает интеллектуальная деградация, и она может стать необратимой. Так готовится капитуляция, если не перед роботами или супер-ЭВМ, то перед вполне реальными конкурентами в схватке за уменьшающиеся планетные ресурсы. Инволюцию отечественной (да и не только российской)

системы образования, упадок университетов [13] потом будет очень трудно, если вообще возможно, преодолеть.

Резко усиливается не только имущественный, но и культурный разрыв между элитой и основной массой людей со все более примитивным сознанием. Господствующему варианту постиндустриализма не нужны «средняки», тот самый средний класс, который был продуктом и опорой развитого индустриального общества. При массовой компьютеризации и роботизации, что остается потерявшим рабочие места людям? Пребывание в безделье – аналоге wellfaiр-state для безработных в богатых странах или же роль «биологического материала» – для большинства? Многие «рабочие места» объективно не нужны уже сейчас, а в перспективе потребность в них еще более уменьшится со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Новое качество глобальной напряженности

Свидетельство этому новому качеству – обострение глобальных противоречий, антагонизма между «первым» и «третьим» миром, между *развитыми* странами и *несостоятельными* государствами, между «белыми» и «цветными», постхристианским и мусульманским миром, Севером и Югом и т.п. Безусловно, продолжают оставаться актуальными противоречия «классовой борьбы» – между богатыми и бедными, собственниками и наемными работниками, и масштаб их уже поистине глобален. Говоря о глобализации, также нельзя не указать на противоречие между сторонниками сохранения «национального государства» и его разрушения в пользу того или иного варианта («мирового правительства», регионализации или же «глокализации»).

Смена одного типа общества другим – это всегда трагедия. Скорее всего, и «перестройка» первобытного общества, и переход его к аграрному не обошлись без гибели значительной части тогдашнего человечества. А фазовый переход от аграрного к индустриальному обществу был трудным и мучительным, сопровождаясь ужасами «огораживаний» или коллективизации. Разумеется, уровень бедствий увеличивается, если болезненные трансформации концентрируются в более коротких временных периодах, как случилось в России – СССР. Но в целом перейти от труда в сельском хозяйстве к работе в промышленности было всё же не так сложно, как совершить скачок к творческой деятельности в рамках потребностей компьютеризированной и роботизированной постиндустриальной экономики.

Впрочем, был уже и положительный опыт, когда переход к обществу Модерна, несмотря на все издержки, привел к новой системе разделения общественного труда, основанного не на сходстве, а на различиях и объективно повышающего ценность отдельной личности, причем в массовых масштабах. Этот процесс был описан Эмилем Дюркгеймом в его классическом социоло-

гическом труде «О разделении общественного труда» [2]. Но современная драма в том, что речь идет уже не о разделении занятий в процессе производства (не только материального), но в разделении полезного для развития цивилизации труда творческого, сложного, с необходимой очень высокой квалификацией и отсутствием потребности в простом «живом» труде. Ведь с работой большинства людей все лучше справляются машины.

Речь идет не просто о новом уровне неравенства и распространения бедности. Даже не о социологически зафиксированной смене в системе социальной стратификации, когда на смену социуму с преобладанием среднего класса (составляющему две трети – «обществу 2/3») приходит поляризация 20:80 системы, где лишь пятая часть населения (20%) может реализовывать себя и повышать свой жизненный уровень. Дело гораздо серьезнее и отбором 20% или выделением пресловутого «золотого миллиарда» может не ограничиться. Культурная сегрегация может стать и быть еще более жестокой, а по последствиям превзойти безжалостность «естественного отбора». Ведь от подавляющего большинства населения ждать чего-то особенного, творчески оригинального, не приходится.

Вспоминается русский философ Василий Розанов: «В гимназии я раздражался на неизмеримую глупость некоторых учеников и тогда (в VI–VII кл.) говорил им: – “Да вам надо жениться, зачем вы поступили в гимназию?” Великий инстинкт подсказывал мне истину. Из человечества громадное большинство из 10 000 – 9999 имеют задачу – “дать от себя детей”, и только один – дать сверх сего “кое-что”» [14].

Итак, нет прежней потребности не только в рабочей силе, но даже в целях «человеководства» существование большинства «сапиенсов» становится неоправданным и нерентабельным ввиду развития дополнительных возможностей для репродуктивного воспроизводства («дети из пробирки», банки спермы или даже клонирование человека, несмотря на все опасности таких опытов), а в перспективе – получения «экземпляров с заданными характеристиками». Здесь же пригодятся и успехи медицины и биотехнологий по продлению жизни и т.п., которые будут доступны лишь меньшинству. Футуролог Ю. Шушкевич в своей книге утверждает: «Развитие мировых производительных сил приближается к такому уровню, когда количество живого труда, необходимого для производства жизненных благ, начинает стремиться к малозначущим величинам, к нулю. Потенциально высвобождается невиданное в истории количество свободного человеческого времени, использовать которое человек мог бы для неограниченного удовольствия или неограниченного развития. Одновременно усиливаются ограничения ресурсные – на планете заканчиваются топливо, вода, пашня. Поэтому общество будущего должно найти способ общественно полезной утилизации человеческого времени при ограничении потребления невозполнимых ресурсов планеты.

Существуют два принципиальных пути решения этой проблемы: принудительное управление мотивациями и потребностями человека и достижение человеком уровня, когда он свободно и самостоятельно сможет формировать свои мотивации и определять потребности» [16].

Но при отказе от творческого развития, без возможностей для совершенствования способностей миллиарды людей превращаются в обременительную для планеты и в глазах элит не имеющую никакого смысла существования «биомассу». Если для них нет работы, то стоит ли занимать их игрой? Несколько миллиардов «хomo люденсов» – не слишком ли большая роскошь ввиду обострения экологической проблемы и убывания природных ресурсов. Противоречие между «высокой технологией» и «глубокой гуманностью», обозначенное еще в конце прошлого века Джоном Нейсбитом [10], приобретает новый смысл. Это уже не только вопросы о новом стиле жизни, но и проблема экономической (и экологической) целесообразности: зачем кормить массу населения, от которого не ожидается никакой пользы. Подлинная гуманность состояла бы в развитии творческих способностей и раскрытии человеческого потенциала, так как именно в творчестве люди превосходят и реальные компьютеры и гипотетических киборгов. В «прекрасное тридцатилетие» после Второй мировой войны казалось, что это возможно и произойдет, скажем, через освоение человеком новых сред обитания: областей с суровым климатом, Мирового океана и / или космического пространства. Это требовало и соответствующего развития человеческого потенциала. Но эти перспективы были закрыты, или оказались недоступными, «схлопнулись» вместе с шансами для многих получить творческую или даже «героическую» профессию. Дух Прометея и устремления Фауста сникли перед мещанской пошлостью, трусливым корыстолюбием и тягой к бессмысленным развлечениям и ленивому комфорту. Сыграло свою роль и уменьшение возможностей для свободной предпринимательской деятельности, которая все более опутывалась бюрократическими сетями. Это неизбежно сопровождалось и ухудшением качества образования, и деградацией педагогики, и массовым оболваниванием людей через телевизор, а теперь уже и при помощи Интернета. Разрушение человеческого материала, через деградацию культуры похоже на канун глобальной «оптимизации численности населения».

В мире могут возобладать соблазны жестких и бесчеловечных решений. Для миллиардов людей в современном мире уже нет достойных занятий, и им приходится уходить в криминал, распространять наркотики, торговать своим телом, не только так сказать, в «лизинг», но и продавая части его безвозвратно («торговля органами»). Если брать пример нынешней Российской Федерации, где, в силу падения цен на углеводороды, на глазах терпит крах надежда стать «энергетической сверхдержавой», то очевидно, что положение «сырьевого придатка» для нашей экономики – это еще далеко не самое худшее. Не так просто стать

даже поставщиком сексуальных услуг, глобальным борделем ввиду высокой конкуренции в этом сегменте. Наша же страна опять становится поставщиком (оптом и в розницу) «пушечного мяса» для участия в войнах, никак не отвечающих нашим национальным интересам. Такая «миссия» уже была протестирована в Сирии, но нельзя считать это для России чем-то принципиально новым.

Новые глобальные вызовы угрожают не только сырьевой периферии, но и некоторым некогда передовым и развитым странам. Там тоже наблюдается деиндустриализация, сокращение полезной занятости и потеря жизненного смысла. В западных странах также наблюдается рост числа новых бедных и поляризация доходов. Разумеется, это приводит к быстрому разрушению социального пакта между верхами и низами, на котором строилось современное демократическое и социальное государство, к эрозии абстракции «общественного договора», серьезно угрожает и существованию работающих институтов либеральной демократии [12]. Разрушение системы социальных гарантий и государства «вэлфера», выхолащивание реального содержания из демократических политий может привести к новому витку насилия уже в центрах цивилизации и, как следствие, к экспансии всепланетного насилия.

«Веселое время» на пороге. Войны и сопутствующие бедствия, болезни и эпидемии, смерти от голода и нищеты – это вполне вероятный выход из глобальной мальтузианской ловушки, и здесь впору приходится опыты по «укросомализации» и «судано-донбассизации» обширных, ранее относительно благополучных и развитых регионов и «утилизации» людей на этих территориях.

Обостряются не только конфликты во всем мире, но вырисовываются и новые конфигурации этих конфликтов, с новыми основаниями для социально-политических расколов.

Гипотеза о новых социально-политических размежеваниях

Безусловно, новые научно-технические факторы и вытеснение «пролетариев» умственного и физического труда не могут не отразиться и на сфере политики. Традиционные понятия и размежевания, если не уходят в прошлое, часто служат маскировочной сетью для сокрытия от широкой публики новых и реальных противоречий. Можно ли их «вычислить»? Гипотетически и весьма приблизительно попробуем предположить, как могут выглядеть основания этих новых противоречий. На наш взгляд, эта попытка может быть бесполезной, если воспользоваться «старым» подходом социально-политических расколов и их оснований, предложенных в классической работе С.М. Липсета и С. Роккана [7], при этом обогатив их новым современным (или уже «постсовременным») содержанием.

Важной сферой научных интересов С. Роккана были электоральные исследования, в первую очередь электоральное поведение в Норвегии. В связи

с электоральными исследованиями в сферу политологических интересов Роккана попали социальные *квиваж* (англ. cleavage, франц. clivage – расщепление, разделение), т.е. широкие и глубокие расколы общества по различным основаниям (классовым, религиозным, расовым и т.д.).

Напомним, что у знаменитых политологов в их классической работе речь шла об основных расколах, обуславливающих партийно-политические противоречия на протяжении значительной части XX в. С.М. Липсет и С. Роккан писали о расколе «центр–периферия» и «город–село» как территориальных проекциях «национальной» и «экономической» революций, а также размежеваниях типа «государство против церкви» и «собственники против рабочих», так и функциональных проекциях национальных и экономических изменений [9, с. 25].

На наш взгляд, можно использовать этот не утративший своей актуальности подход как эвристически перспективную матрицу, стоит посмотреть на территориальные и функциональные проекции новых глобальных трансформаций, который, по аналогии, можно обозначить как демографическую (перенаселенность мира) и конвергентно-технологическую (резко сокращающую потребность в живом труде) революции.

В качестве гипотезы тогда мы бы предположили, что структура основных расколов по этой схеме может выглядеть следующим образом (см. табл.).

Таблица

НОВАЯ СТРУКТУРА РАЗМЕЖЕВАНИЙ

<i>Синтагматические оси (А, В) / Парадигматические оси (С, D)</i>	<i>С. Демографический взрыв, перенаселенность</i>	<i>D. Революция NBIC-технологий</i>
А. Территориальная	АС. Богатые и высококвалифицированные в зонах технологического роста и «хабах», «глобальных воротах» современной цивилизации vs «лишних ртов» вымирающей и бесперспективной периферии	AD. Элиты, заинтересованные в сокращении населения против элит, которые заинтересованы в сохранении вида HOMO Sapiens в прежнем виде может сопровождаться и войной между государствами. Межстрановая конкуренция за технологическое лидерство для своего населения
В. Функциональная	ВС. Трансгуманисты, и корпорации, настаивающие на постчеловеческой революции, и «традиционные» люди. Здесь же неизбежна схватка выгодополучателей от внедрения того или иного типа революционных технологий («мутанты» против людей, затем «киборги против химер»)	ВД. Борьба «левых» за широкое и более справедливое распространение научно-технических достижений против «железной пяты», стремящейся их монополизировать и сделать разрыв между «верхами» и «низами» качественно непреодолимым, с опорой на новые технологии

Представление в виде таких схем и таблиц связано во многом с удобством изложения и восприятия. Разумеется, все многообразие политических последствий внедрения конвергентных технологий не сводится к этим расколам, так же как и многообразие партийно-политической жизни не укладывается в схему кливажей Липсета – Роккана. Но как некий дополнительный указатель, эта схема дает представление о возможном будущем политики, если согласиться с той посылкой, что главными факторами изменений будут технологии и демография.

Здесь возможны самые необычные трансформации, актуальные не только в глобальном масштабе, но и применительно к российской ситуации. Очень кратко, на примере выделенных расколов, проиллюстрируем проблемы, о которых может идти речь применительно к глобальной и отечественной ситуации. Итак:

АС. Происходит концентрация людей в мегаполисах, так называемых «хабах» или «глобальных воротах». В СССР в результате ускоренной и жесткой индустриализации обезлюдела российская деревня. Сейчас эта социальная «гангрена» подступает уже к малым и средним городам. Но даже крупные города развиваются крайне неравномерно и испытывают отток населения в «цивилизованные страны» и столичный регион. Этот регион, «как пылесос, и дальше будет выкачивать людские резервы из остальной России. В целом же так называемый Московский регион (Москва + 30-километровая зона вокруг МКАД) будет насчитывать минимум 25 млн человек (скорее, 30 млн)»². Схожие процессы идут во всем мире: периферия деградирует, земли пустеют, вместе с молодежью уходит жизнь из «неперспективных» деревень и населенных пунктов, где нет работы, а в многомиллионных «человейниках» отсутствуют нормальные условия для жизни и воспроизводства населения.

ВС. Этот «раскол» пока выглядит фантастикой, но ничего фантастического в стремлении получить колоссальные прибыли от вмешательства в природу человека и «исправления недостатков» этой природы нет. Да, фантасты вовсю описывают генно-модифицированных людей, запуск в человеческое тело наноботов и пр., но схожими могут быть и бизнес-планы корпораций. Планы по изменению человеческой природы встречаются и будут встречать ожесточенное сопротивление по причинам морально-религиозного порядка (вспомним, что даже вопрос об абортах и новых репродуктивных практиках сопровождается яростными дебатами и противодействием, а также появление новых форм неравенства) [1]. Но к этому добавляется противодействие тех корпораций, которые теряют при этом традиционные рынки.

2. Подмоскowie ожидает коллапс. – <http://tтолk.ru/?p=26980>

Риторический вопрос: будут ли задействованы во всем этом механизмы лоббирования и политического воздействия. Причем в этой борьбе (будут) задействованы политические силы с традиционными брендами, не имеющими по названию никакого отношения к схваткам на вновь появившихся «фронтах». В РФ при упоминании новой политики «модернизации» явно выделяется Сколково, не только как пример произвольного использования «элитой» бюджетных денег, но, возможно, и как стремление олигархов создать для себя посреди деградировавшей экономики и территорий некий высокотехнологичный оазис. «Верхи», например, заинтересованы в опытах по продлению жизни (конечно, для себя), появлению новых медицинских средств и т.д., и т.п.

AD. Указанные факторы переплетаются с традиционной международной конкуренцией, придают новую остроту отношениям между государствами и блоками на мировой арене. Слухи о «смерти государства» оказались несколько преувеличенными и поспешными. Глобализация не «отменяет» государства, хотя и лишает многие (если не большинство) стран их реального суверенитета. Но было ли раньше как-то по-другому? Когда говорят, к примеру, о разрушении «вестфальской системы», следует напомнить, сколько государств участвовали в заключении Вестфальского мира 1648 г. и принимался ли тогда в расчет «суверенитет» периферии. Если в ближайшие годы разрыв в технологиях между наиболее развитыми странами и остальными территориями будет возрастать, то разрыв между ними будет гораздо большим и уже качественно иным, чем во времена «империализма» и колониальной системы. В борьбе за убывающие ресурсы планеты вполне возможен массовый геноцид на периферии с применением новейших технологий. К сожалению, в силу известных политических обстоятельств и научно-технологического отставания Россия все больше дрейфует именно в сторону этой деградирующей и обреченной периферии.

BD. Наконец внедрение даже самых фантастических технологий не отменяет борьбы за равенство и социальную справедливость, деление на «левых» и «правых» в вопросах доступа к новым возможностям для возможно большего числа людей или же закреплении этого доступа за кастой избранных, которые будут отделены от остальных непреодолимой пропастью, например в том, что касается качества и продолжительности жизни и т.д. Мне уже приходилось писать о «левых» и «правых» искушениях для «сверхчеловека» [3, с. 36–58], когда развернувшаяся борьба будет неким столкновением между утопиями и антиутопиями будущего. В РФ с ее гигантским разрывом между сверхбогатыми и основной массой населения, который ни экономически, ни морально не оправдан, уже в настоящем явно побеждает «антиутопия». Удастся ли в будущем преодолеть эти коллизии, возможно, с опорой на новые технологии – вопрос для решения отечественной политики

и политической науки, хотя многое будет зависеть не только от собирания политических сил, но и от адекватности научного прогноза.

Прогноз не учитывает гипотетической (скорее уже действительно фантастической) возможности победы «искусственного разума» и торжества «постчеловека», как его представляют трансгуманисты. Если такое вдруг случится, тогда это будут уже *не наши проблемы*. В этом случае актуальным станет замечание небезызвестного Ника Бострома, шведского философа, сооснователя Всемирной ассоциации трансгуманистов и директора созданного в 2005 г. в Оксфорде Института будущего человечества: *«Не следует проецировать человеческие качества на возможности сверхразумного агента»*³.

Нет, наши размышления лежат в пределах человеческого и даже «слишком человеческого» отношения к новым политическим вызовам, обусловленным перенаселенностью и технологическими разработками, которые теоретически позволяют решать глобальные проблемы экологии и демографии, а на практике еще более усугубляют их. Таким образом, и научно-технический прогресс, и уже сами перспективы человеческого рода будут зависеть от исхода политической борьбы на новых «фронтах», которые мы попытались кратко описать.

Разумеется, подобные схемы нуждаются в более подробных описаниях и обоснованиях, требуют серьезной доработки и корректировки по мере углубления соответствующих процессов. В любом случае, всего многообразия глобальной революционной ломки они отразить не могут. Но хотелось бы еще раз привлечь внимание к тому, что эта «фантастика» (а коммунизм – это тоже фантастика, повлиявшая на реальную жизнь миллиардов людей в XX в. [4]) вполне может стать кошмарной реальностью завтрашнего дня. Если значительно расширятся перспективы изменения природы человека и т.п., то это будет иметь вполне реальные последствия, в том числе и в изменении природы и основ политической власти.

Литература

1. Богомякова Е.С., Ломоносова М.В. Репродуктивные права человека и вспомогательные репродуктивные технологии: Новые формы и виды неравенства // Экономические стратегии. – 2015. – № 9. – Режим доступа – http://www.inesnet.ru/rus_author/lomonosova-m
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 575 с.

3. Книга философа Ника Бострома *«Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии»*. – <https://lenta.ru/articles/2016/03/06/superintellect/>

3. Ковалёв В.А. Наша фантастическая политика: Социально-политические утопии в современной фантастике: Россия между прошлым и будущим: монография. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. – 172 с.
4. Ковалёв В.А. К политологии постчеловека? Некоторые социально-политические перспективы и угрозы NBIC-конвергенции и трансгуманизма // Политическая экспертиза. – 2012. – № 4. – С. 64–83.
5. Ковалёв В.А. «Ненужные люди» как бэкграунд эскалации конфликтов в современном мире // Конфликты в социальной сфере. Материалы IX Всероссийской научно-практической и научно-методической конференции. – Казань: Казанский национально-исследовательский технологический университет, 2015. – С. 16–23.
6. Ковалёв В.А. Политика, демография, технологии: К вопросу об основе эскалации конфликтности // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Истринский форум) «Проблема устойчивости общественного развития в условиях трансформации миропорядка» (12–14 мая 2016 г.). – С. 70–72.
7. Липсет С., Роккан С. Структура размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 204–234.
8. Манн М. Власть в XXI столетии. Беседы с Дж.А. Холлом – М.: ИД ВШЭ, 2014. – 208 с.
9. Мелешкина Е.Ю. Концепция социально-политических размежеваний: Проблема универсальности // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 25.
10. Нейсбит Дж. при участии Н. Нейсбит и Д. Филиппа. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. – 384 с.
11. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. I–II. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010–2011.
12. Политика в эпоху жесткой экономики / Под ред. А. Шефара, В. Штрика. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 392 с.
13. Ридингс Б. Университет в руинах. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 304 с.
14. Розанов В. Последние листья. (1916). – Режим доступа: <http://podborki.com/preview/flibusta-knizhnoe-bratstvo-923950>
15. Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. – 2007. – № 2. – С. 18–30.
16. Шушкевич Ю. В сумерках привычного мира. – Режим доступа: <http://futuroligija.ru/texts/v-sumerkax-privychnogo-mira/>
17. Brynjolfsson Erik, McAfee Andrew. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. – N.Y., 2014.
18. Stiglitz Joseph E. Unemployment and Innovation. – Режим доступа: <http://www.nber.org/papers/w20670.pdf>